

Пути Восточной Азии и путь России

Отправной пункт моих заметок – то представление об Азии, которое складывается по сумме выступлений, прозвучавших на IV Бердяевских чтениях. Это представление сводится к тому, что у Китая и его динамичных соседей, несмотря на известное замедление темпов экономического роста, всё, в общем-то, в порядке. Успехи этих стран в делах общественной модернизации феноменальны, и в обозримом будущем они упрочат свои мировые позиции еще больше.

Характерно, что на фоне подобных мнений практически ни у кого не возникло желания подискутировать о том, есть ли у современной России какая-то особая роль (не говоря уже о миссии) на Востоке. А ведь прямое предложение обсудить эту тему высказывалось. Подозреваю, что дискуссии не получилось, потому что большинство участников Чтений не видят тут предмета для серьезного разговора.

Попробую все-таки выйти на эту тему, сосредоточившись не столько на Китае, сколько на сопредельных ему странах Юго-Восточной Азии. Что там происходит? К каким результатам приводит там ускоренная модернизация? Так ли однозначно благотворен и безболезнен этот процесс, как порой представляется нам? В состоянии ли Россия сделать нечто такое, что существенным и позитивным образом скажется на положении этих стран в будущем?

Среди десяти стран, входящих в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), нет экономических гигантов. Однако мысленно убрав из китайского, японского, южнокорейского или американского товарооборота ту долю, которая приходится на страны АСЕАН, получим сумму «вычета», близкую к триллиону долларов. Да, в основном это вроде бы средние и малые страны (хотя как-то не с руки помещать в категорию «средних» Индонезию с ее 250-миллионным населением, а в категорию «малых» – Сингапур, входящий в число крупнейших финансовых центров мира). Но этой группе стран удалось добиться редкого в развивающемся мире сочетания политической стабильности с экономическим динамизмом и на редкость удачно вписаться в систему многостороннего сотрудничества в Большой Восточной Азии. АСЕАН уже давно воспринимают там как величину, которая заведомо никому не угрожает, никого ни к чему не хочет и не может принуждать, но вместе с тем обладает моральным авторитетом игрока, настроенного на компромисс, на поиски развязок во всевозможных спорах, на диалог. Официальное признание «центральной роли» АСЕАН в строительстве «новой региональной архитектуры» безопасности в Восточной Азии – показатель того, насколько этот игрок нужен всем (от США до России и от Японии до Новой Зеландии).

Сумский Виктор Владимирович, доктор исторических наук, директор Центра АСЕАН при МГИМО МИД России. E-mail: victor.sumsky@gmail.com

Казалось бы, тот момент, когда, по множеству признаков, центр мировой экономической активности перемещается в Восточную Азию, должен стать звездным часом АСЕАН. Вместо этого на экспертных собеседованиях в последние год-два все чаще поднимается вопрос об «азиатском парадоксе». Имеется в виду сочетание вроде бы сохраняющегося экономического динамизма с ростом политической нестабильности (будь то внутри соответствующих стран или в их отношениях между собой).

Как это понимать, и в чем тут парадокс? Если оценивать ситуацию трезво, то ничего парадоксального в ней нет. Надо лишь помнить о неразрывных связях экономики с политикой и исходить из того, что, становясь новым мировым центром экономической жизни, Восточная Азия становится центром притяжения для великого множества разнородных сил – очень часто формально негосударственных, но опосредованно с государствами связанных. Сходясь и сталкиваясь в этом пространстве, они энергично ищут свою выгоду. Где-то по ходу этих поисков они вступают в партнерские отношения, а где-то сталкиваются лбами. Кто-то с кем-то сотрудничать может, а кто-то нет. Рядом с новыми альянсами завязываются новые узлы противоречий. Как следствие всего этого повышается общая политическая температура региона. Есть ли тут что-то из ряда вон выходящее? По-моему, нет. Для нового центра экономической и политической активности (в дела которого – не будем забывать – вовлечены все без исключения великие державы современности со всем тем, что их объединяет и разделяет) всё вполне естественно и объяснимо.

Анализируя симптомы политической нестабильности и разногласий, отмеченные в ЮВА в последние несколько лет, мы увидим, что они одновременно проявляются буквально на всех уровнях: на уровне отдельных национальных государств, на уровне двухсторонних отношений между подавляющим их большинством, на уровне таких региональных подсистем, как акватория Южно-Китайского моря или бассейн реки Меконг. Взаимное наложение всех этих проявлений нестабильности – весьма неприятный аспект данной ситуации. Помимо прочего, и вовнутрь АСЕАН, и на отношения Ассоциации с ее партнерами не может не проецироваться всё то, что происходит между США и КНР. Превращая регион в арену борьбы за мировую гегемонию, их обостряющееся противостояние закрепляет новый, глобальный статус Восточной (и Юго-Восточной) Азии.

При общеизвестных успехах и положительных последствиях модернизации есть ли какая-то связь между нею и ростом политической нестабильности в этой части мира? Не вдаваясь в подробности, подчеркну: такой видный теоретик модернизации, как Сэмюэль Хантингтон, рассматривал ее как уход от одного устойчивого состояния (а именно, от мира традиции) к другому (а именно, к миру модернити), без возможности «махнуть» из первого во второе «одним прыжком». Связывая модернизацию с длительным пребыванием общества в состоянии переходности, неустойчивости и неопределенности, Хантингтон в одном из главных своих трудов – монографии «Политический порядок в меняющихся обществах» (*Political Order in Changing Societies*, 1968) – подробно описал ее как глубоко дестабилизирующий процесс. С момента выхода этой книги в свет прошло без малого полвека – срок вполне достаточный для того, чтобы проверить ее основные положения практикой. Подтверждает ли опыт развивающихся стран главные тезисы автора? По-моему, ответ очевиден.

С феноменом успешной модернизации тесно связаны, между прочим, такие вещи, которые мы в России не всегда готовы с ней отождествить. Это, в частности, политический авторитаризм.

Одним из важных достижений советского востоковедения (точнее – той научной школы, которую создал Нодари Александрович Симония) является подход к авторитаризму как к явлению, присущему именно переходным эпо-

хам. На этапе переходности и общество в целом, и основные его группы пребывают в размытом состоянии. Ни одна из этих групп (в отличие от, допустим, английской буржуазии XIX века) не может полностью взять под контроль государство, превратить его в инструмент своих внутриклассовых компромиссов и утвердить таким способом демократию. Обратной стороной структурных слабостей общества становится рост автономности государства. В лице гражданской и/или военной бюрократии оно получает возможность диктовать свою волю остальному обществу. Но эта воля может выражаться, в том числе, в разработке и реализации программ социального реформирования. Дмитрий Валентинович Мосяков высказывается в том смысле, что Юго-Восточная Азия показала: авторитарная модернизация может быть эффективнее, чем какая-либо другая. Возможно, меня поправят, но лично я не вижу на современном Востоке примеров «эффективной неавторитарной модернизации». Во всяком случае, ничего подобного в Юго-Восточной и Восточной Азии второй половины XX века (да и начала века XXI) мы не обнаружим.

Получается, что авторитарная модернизация – вещь отнюдь не противостественная. Однако именно поэтому она в избытке производит такие «продукты жизнедеятельности», которые в условиях завышенных ожиданий (а это тоже следствие успешной модернизации) начинают работать против нее самой. Образцовый продукт такого рода – коррупция.

В книге, на которую я ссылался выше, С. Хантингтон очень подробно объясняет, как и почему модернизация «раскручивает» коррупцию. В условиях переходности, когда традиционные ценности теряют свое прежнее значение, а ценности современные еще не сформированы, господствует обстановка морального релятивизма. При одновременном росте «общественного пирога», который можно и нужно делить, складываются идеальные условия для желающих обогатиться без оглядки на закон. Характерно, что неуклонно растущие масштабы коррупции – едва ли не главная тема общественных дебатов в большинстве стран – участниц АСЕАН, сильнейший раздражитель для оппозиционных группировок и первейший повод для уличных выступлений с тенденцией перерастания в «цветные революции» (попытки которых отмечались в последние годы не раз и не два).

Ситуацию, складывающуюся сейчас в Юго-Восточной Азии, не понять, не приняв во внимание, что все упомянутые процессы протекают в недрах очень пестрых в этническом и религиозном отношении обществ, в обстановке социальных дисбалансов, растущего разрыва в доходах различных групп населения. Эта комбинация факторов не может не влиять на умы представителей формирующегося гражданского общества. В общем, пока решаются одни проблемы, зреют другие. И чем быстрее растут экономики (а они растут очень быстро), тем быстрее копятся новые проблемы. Поневоле приходит на ум, что возможны случаи, когда разрешить подобные коллизии обычным, эволюционным путем будет очень трудно.

Я уже упоминал, что в двусторонних отношениях между странами АСЕАН сохраняется немало нерешенных проблем и проблем очень старых. Связано это с тем, что во второй половине 1960-х годов, когда создавалась АСЕАН, на их общей повестке дня стояла прежде всего борьба с «коммунистической угрозой». Отразить ее казалось столь важным, что, объединяясь в свою ассоциацию, страны АСЕАН негласно договорились забыть обо всем, что их разобщает, ради решения тогдашней сверхзадачи. Но вот холодная война закончилась, льды ее растаяли, и вместе с ними разморозились старые распри. И сегодня, когда анализируешь, что происходит между этими странами в двустороннем плане, выясняется, что проблемы (типа пограничных и территориальных споров) есть почти у всех со всеми. Исключения из этого правила составляют те, кто не граничит между собой ни по суше, ни по морю (как, например, Лаос и Сингапур).

Про ситуацию вокруг Южно-Китайского моря скажу лишь одно: этот узел завязывается все туже и туже, и там существуют предпосылки для очень больших неприятностей (вплоть до военно-морских противостояний США, защищающих принципы «свободы судоходства», с КНР, будто бы посягнувшей на таковые). Впечатления же, что «асеаноцентричные» диалоговые площадки типа Регионального форума АСЕАН по безопасности или Восточноазиатского саммита приспособлены для предупреждения назревающих конфликтов, пока нет. А ведь помимо американско-китайских трений есть еще серьезные и не стихающие противоречия между Китаем и Японией. Ну и, наконец, появились новые темы в отношениях России с Соединенными Штатами и с Западом в целом, что тоже не может не сказываться на положении в Азии.

Тут пора перейти к вопросу о том, в чем реальное значение России для Азии сегодня. Недавно в Институте востоковедения проходила международная конференция по проблематике Южно-Китайского моря. Отставной французский генерал делал там сообщение о том, как влияет ситуация на Украине на ситуацию в Восточной Азии. Много ожидая от этого доклада, я был немало удивлен, когда он завершился констатацией, что события на Украине не влияют на Восточную Азию никак. Вот ведь что получается: события на Украине рвут по швам (по причинам, которые, наверное, никому не надо объяснять), не только европейский, но и мировой порядок в сфере безопасности. А региону, становящемуся центром мировой экономики и политики, от этого ни холодно, ни жарко.

У меня на этот счет другое мнение. Трагедия Украины – один из результатов усилий США, направленных на переоформление своей глобальной гегемонии путем создания двух гигантских зон свободной торговли, трансатлантической и транстихоокеанской. В рамках данного курса Соединенные Штаты пытаются навязать свои правила торгово-инвестиционных игр практически всем ключевым политическим и экономическим партнерам. Курс этот реализуется администрацией Обамы с большой натугой. Причины этого понятны. Слишком уж напористо настаивают американцы на своем в рамках обоих проектов, и слишком очевидна их чисто экономическая невыгода и для Европы, и для Азии. Но есть и другая трудность: все-таки в последние двадцать лет очень упрочились отношения Китая с остальной Азией – как и отношения России с Европой. В силу этого успех американской операции предполагает какие-то специальные меры по отсечению Китая от Азии и по отсечению России от Европы. В течение последних пяти-шести лет американцы занимаются этим все более усердно и откровенно.

Возникает вопрос, каким образом они рискнули выбрать такую стратегию, учитывая, что она, так или иначе, толкает Россию и Китай навстречу друг другу? Должно быть, по той причине, что никогда особенно не верили (и, кажется, не верят до сих пор), что мы с Китаем способны развить реальное стратегическое сотрудничество. События 2013–2015 годов если не опровергли эту точку зрения, то начинают ее опровергать. И тут, конечно, у американцев возникает соблазн каким-то образом разорвать формирующуюся российско-китайскую связку.

Как это сделать? Похоже, остановились на том, что для начала самое простое – изъять из этой связки ее предполагаемое слабое звено, то есть Россию. С этой целью и задумана, в числе прочего, украинская операция. Первый ее этап – отрыв Украины от России через соглашение с Евросоюзом (при деятельной помощи Германии). Далее следует возбуждение массового недовольства внутри страны за счет экономических санкций, манипуляций с ценами на нефть и экспорта «цветной революции» в украинском варианте. Венец всех этих усилий – смена режима и перевод Российской Федерации под внешнее управление по украинской модели. Осуществив такой сценарий, Америка могла бы уже вплотную заняться своим главным противником.

Чтобы вообразить последствия подобного гипотетического поворота для Азии, достаточно принять во внимание вот что. Пока отношения между Россией и Китаем таковы, каковы они сейчас, – ни изоляция России, ни сдерживание Китая в сколько-нибудь полном смысле этих слов невозможны. Но стоит России дрогнуть, и драматически осложнится не только положение Китая, но и положение остальной Азии (вплоть до АСЕАН, которая, утерев бывшие возможности маневрирования между Пекином и Вашингтоном, будет вынуждена склониться перед последним). Обратной стороной резкого усиления позиций США станет смазывание перспективы полицентричного мира – той перспективы, которую вместе отстаивают Россия и Китай, и в связи с которой только и может наступить пресловутый «Азиатский век».

Если кому-то эти допуски покажутся страшилками, то они ведь ничуть не страшнее и не фантастичнее того, что уже устроили на Украине Белый дом, ЦРУ и госдепартамент (вкуче с частными военными компаниями из Соединенных Штатов и доморощенными неонацистами). Украинский сценарий США не оставляет места полюбовному урегулированию по модели win-win, столь любимой азиатами. Из тех отношений с Америкой и Западом, в которые мы вошли сейчас, быстрого и безболезненного выхода нет, если мы дорожим своей страной как самостоятельным субъектом мировой политики и истории.

Обороняя тот рубеж, который Россия обороняет сейчас, она сохраняет для успешно модернизирующихся азиатских стран возможность превращения в полноценные субъекты полицентричного мира. И в этом смысле она защищает большее, чем саму себя, – так же, как это было, когда она отражала нашествия Наполеона или Гитлера. Будем помнить, что теперь за нами еще и Азия, но пусть и Азия тоже это поймет. Боюсь, что пока она не понимает этого в полной мере.

Похоже, государственно-политические элиты Восточной Азии еще не осознали до конца, что эволюционная фаза перехода от мира единоличной гегемонии к миру полицентричному уже в прошлом. Предпочел бы воздержаться от сильных выражений, но если прежняя фаза была эволюционной, то новая напоминает начало мирополитической революции.

Аннотация. Хотя в начале XXI века темпы экономического роста и модернизации стран Восточной Азии остаются сравнительно высокими, в политической жизни многих из них (как и на уровне всего региона) все более явно проступают симптомы нестабильности. Объясняя это явление на примере стран, входящих в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), автор увязывает свои тезисы с вопросом о роли современной России в обеспечении внешнеполитических предпосылок «Азиатского века».

Ключевые слова: модернизация, авторитаризм, коррупция, «центральная роль» АСЕАН и «новая региональная архитектура» в Восточной Азии, влияние украинских событий на Восточную Азию, полицентричный мир.

Victor Sumsky, Ph.D. in History, Director, ASEAN Center, MGIMO University, Russian Ministry of Foreign Affairs. E-mail: victor.sumsky@gmail.com

East Asian Ways and Russian Way

Abstract. Though in the early 21st century the East Asian economic growth and modernization pace remain relatively high and stable, the political sphere becomes increasingly volatile at both state and intraregional level. The author explains it addressing the ASEAN states. The special focus is made on Russia's role and foreign policy impact on the emerging "Asian century".

Keywords: Modernization, Authoritarianism, Corruption, "Central Role" of ASEAN and "New Regional Architecture" in East Asia, Implications of Ukraine Crisis on East Asia, Multipolar World.

Л.В. Поляков. Итак, наши коллеги нарисовали картину опыта модернизации Китая и Юго-Восточной Азии. Были сформулированы и уроки для России. Мне представляется, сейчас самое время открыть дискуссию.

Джонго Нам. Я – журналист, и меня обучали задавать провокационные вопросы. Хотел бы дать комментарий по поводу ваших подходов к вопросам развития АСЕАН. Как сказал коллега из Малайзии, не следует воспринимать страны АСЕАН как что-то единое целое. Это не одна цивилизация. И тем более нельзя смешивать с ними индусов, месопотамцев... Мне представляется, что наши российские друзья слишком обобщают, воспринимая несколько крупных цивилизаций как единую. Так, многие думают, что АСЕАН является очень диверсифицированным. Он не диверсифицирован, он просто разнолик. Мы здесь пытаемся воспринимать собаку и кошку как одно животное. Мой аргумент состоит в том, что среди стран, входящих в АСЕАН, невозможно нечто общее. Ваш подход очень европоцентричен. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что вы пытаетесь анализировать всё с точки зрения великих российских философов, которые жили в XIX веке. Несколько лет назад я познакомился с китайским журналистом – сначала думал, что это китайский американец, потому что он был в американских джинсах и вел себя как американец. Китайское общество очень быстро меняется. Но вы пытаетесь обобщить Китай или Корею с точки зрения философии XIX века, Гегеля, например. Мне кажется, это невозможно с помощью старых рамок или методов мышления воспринимать современность.

Л.В. Поляков. Я прошу доктора Тюркера включиться в нашу дискуссию и представить свой взгляд на проблему модернизации. Кемаль Ататюрк в этом смысле – знаковая фигура. Каковы уроки турецкой модернизации?

Ташансу Тюркер. И предыдущий оратор, и посол Сингапура акцентировали внимание на тех моментах, которые представляются важными

и мне. В Турции друзья меня иногда называют черноволосым русским. Дескать, ты влюблен в русскую философию и поэтому ведешь себя как русский. В связи с этим хотел бы, чтобы мою критику вы восприняли как критику внутреннюю. В этих двух выступлениях принципиально важна практичность. В российской же интеллектуальной среде принято играть в слова, разрабатывать собственные концепции. Но как эти концепции соотносятся с реальностью? Хотел бы вернуться к пониманию цивилизации. Что оно означает с точки зрения модерниста? Каждая концепция создана в целях некоего исторического измерения. Во время Второй мировой войны слово «цивилизация» не было популярным, поскольку существовала другая концепция. Нации в советской и западной науке было легко разделить на «западные» (или свободные) и «советскую». Но после окончания войны официальным лицам необходимо было найти общие слова для достижения всеобщего понимания, и слово «нация» здесь не очень хорошо подходило. К тому времени Европа была уже перекормлена термином «нация». В Европе началось становление будущего Европейского Союза – явления, преодолевшего нацию. Это было время создания субидентичности региональных зонтиков для общерегиональной интеграции. Видимо, поэтому слово «цивилизация» оказалось важным. И нынешнее внимание к нему российских интеллектуалов, на мой взгляд, есть отражение той же реальности. Теперь об азиатской цивилизации. Думаю, через пятьдесят лет мы будем о ней говорить всерьез. Когда экономический союз станет свершившимся фактом. Но пока об этом говорить рано. Западный стиль социальных наук предполагает анализ, в российском больше философичности. И разница здесь как между искусством и гуманитарными науками. В практическом измерении вопрос заключается в следующем: где находится Россия и где находится Турция в концепции цивилизации? Последние тридцать лет Турция пытается стать членом Европейского Союза, показывая тем самым, к какой цивилизации она себя относит. Россия же пытается создать новый экономический союз. В нем придется формировать идентичность. Но если союз не получится, задача формирования

идентичности нерешаема. Нельзя формировать идентичность просто в умах людей, это задача не философская, а политическая. И если мы говорим о цивилизационной идентичности (Азия), не думаю, что мы можем говорить о Корее, Японии и Китае как о некоей совокупности – они совсем разные, они являются частью разных экономических регионов.

Мы можем вернуться в те годы, когда Сталин давал определение нации. Если мы говорим о европейской цивилизации как модели нового управления, тогда мы опять будем говорить о цивилизации в Азии. Важно смотреть на это как на своего рода портал, открывающий путь к интеграции в экономике. Вы задали очень важный вопрос: о процессах модернизации в Турции. Думаю, турецкие интеллектуалы были очень практичными, особенно если сравнивать их с российскими. Моя кандидатская диссертация была посвящена как раз этому – конвергенции идей турецких и российских интеллектуалов в XIX веке¹. С российской стороны я нашел очень большой объем материалов, но с турецкой мне постоянно не хватало идей. Российские философы генерируют большое количество материала, в Турции же политиков гораздо больше, чем философов. Последние же всегда ориентированы практически. К тому же Турция была неразвитой страной, и нам легко было определять те сферы, которые необходимо модернизировать и интегрировать в европейскую цивилизацию. Решением этой практической задачи и занимались турецкие философы в последние двести лет. Для российских же философов и интеллектуалов вообще реальность была иной. Думаю, что российский интеллектуализм как раз является следствием политического и экономического развития страны. Необходимо было создавать что-то новое, создавать что-то изнутри, чтобы это исходило из человека.

Что такое Россия? Все вы помните, что отвечал Тургенев Достоевскому на вопрос о сути идеологии. Каждая идеология должна содержать

представления об идентичности. Это может быть некий «золотой век», это может быть что-то, что создает вас. И это очень сложно. Думаю, этот процесс цивилизации, идентичности России, концепция Азии в России и концепция России в Азии – всё это важное начало в интеллектуальной сфере. Но это требует увязывания с экономическими и политическими процессами.

Л.В. Поляков. Мы восхищены вашим глубоким знанием русской интеллектуальной истории, русских духовных споров. Наверное, помните тургеневский роман «Дым». Там был поставлен мучительный вопрос: «Кто мы такие – русские?».

И этот вопрос возвращает нас к одному из аспектов сегодняшней темы – «Китайская модернизация, опыт и уроки для России». Я вижу руку коллеги Ванчугова. Прежде чем я передам ему слово, хочу отметить, что перенимать опыт и извлекать уроки может только тот, кто понимает, кто он. В этом смысле ваше требование такой ясной идентичности очень современно, и в этом смысле турецкий выбор, стремление в Евросоюз и подтверждение тем самым своей европейской идентичности – тоже значимый урок для России.

В.В. Ванчугов. Хотел бы предварить свое краткое выступление обращением к книге Николаса Бергрюэна и Натана Гардельса под интересным названием «Умное управление для XXI столетия» и с многообещающим подзаголовком «Средний путь между Западом и Востоком». Моя задача, конечно, не афишировать эту книгу, а предложить вам посмотреть на те концепты, которые там прописываются, как на некую схему сборки, которую можно использовать, чтобы создать совершенно новую конструкцию. Суть этой сборки – сочетание необходимости модернизироваться, сохраняя базовые ценности, базовые установки, не утрачивая основополагающие элементы. Суть книги в следующем: диалог между Западом и Востоком, диалог между цивилизациями должен предполагать некую политическую и экономическую выгоду. Без них все так называемые диалоги цивилизаций – типичное бла-бла, до тех пор, пока есть ресурсы. Как только

¹ Тюркер Т. Процесс модернизации в Османской Империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии: XIX – начало XX в. Дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. М., 2007. Место защиты: Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. – *Примеч. ред.*

ресурсы заканчиваются, подобные формы медленно исчезают.

Что может предложить Запад, что может предложить Восток? В данном случае – США и Китай. Попробую посмотреть как сторонний наблюдатель. Штаты могут предложить и предлагают всем демократию. (Кто не соглашается, тем ее навязывают.) Китай – меритократию, власть достойных. И Николас Бергрюен предлагает искусство компромиссов. Он понимает, что экспорт демократии не проходит, по крайней мере в случае с Китаем, и Китай не испытывает никаких комплексов, что он не обладает той демократией, какой необходимо обладать, по мнению Штатов. Как пишет Николас Бергрюен, это система управления красных мандаринов. Поэтому, считает он, и Штаты, и Китай должны слегка модернизировать, трансформировать свои принципы управления. Штаты должны двигаться по пути рационализации демократии, демократия должна стать разумной, то есть Бергрюен соглашается, что она на данный момент разумной не является. А меритократия должна стать более открытой. И вот при таких допущениях, при таких легких трансформациях возможен подлинный диалог цивилизаций, контакты, за которыми последует взаимная выгода¹.

Какой урок мы, Россия, можем из этого извлечь? Китай не испытывает никаких комплексов по поводу того, что у него нет той демократии, которая существует в так называемых развитых странах. У нас же почему-то всё время такой комплекс – как бы нас не назвали недемократической страной. И мы боимся рассуждать о меритократии – о власти достойных. У нас были одно время разговоры о так называемой суверенной демократии, но всё это потом стихло. Мы не можем четко обозначить свои позиции по вопросу, что есть демократия, и испытываем при этом комплексы.

Хотя налицо некий легкий тренд – рассуждать относительно меритократии, о системах управления, – нам необходимо быть более

прагматичными, исходя из того, что и азиатские страны, и США гораздо прагматичнее нас. Только формы их прагматизма другие. Пора распрощаться с образами, забивающими наше массовое сознание по поводу Востока, Китая как конфуцианской страны, мягкой, почтительной, уступчивой. Китайцы не менее жесткие прагматики, чем американцы. С ними тоже возможен разговор, как и с американцами, но необходимы четкие принципы относительно демократии. Пока у нас не будет этой четкости, мы – неинтересный собеседник и для Штатов, и для Китая. Нам не хватает не только экономической, но и интеллектуальной силы. Мы все время хватаемся за наше наследие XIX – начала XX века. Но Чайковский, Достоевский, Толстой уже не работают, как прежде, ибо приходят Абрамовичи, забывая информационное пространство. Нового в культурном отношении мы ничего не продуцируем, в сфере политологии мы тоже отсутствуем, мы просто пережевываем западные концепции. И в экономике мы занимаем маргинальное положение.

Пока нас спасают «старые друзья», армия и флот, но и здесь ресурсы не бесконечны. Поэтому, участвуя во всевозможных диалогах цивилизаций, мы должны смотреть на них как на некое пространство, благодаря которому мы можем заявлять свою позицию, учиться жесткости. Разговор с Западом и с Востоком должен быть не языком уступок, не демонстрацией искусства компромиссов, а вербализацией своей твердой позиции. Необходимо наше повсеместное интеллектуально-концептуальное присутствие.

Л.В. Поляков. Хотел бы напомнить, что наша дискуссия идет о модернизации и о том, как она влияет на конфигурацию глобального мира. Мы в XX веке, казалось бы, установили довольно прочный миропорядок, который держался на биполярности. Вообще-то биполярность это, конечно, плеоназм, потому что достаточно говорить просто «полярность» – были два полюса, и на них держался мир. Затем мы оказались в противоположном состоянии однополярного мира, в рамках которого претендентом на единственный полюс выступают Соединенные Штаты Америки. Сегодня мир пытается перейти в

¹ См. об этом также: Bell, Daniel. Chinese Meritocracy and the Limits of Democracy // Diplomat. December 17, 2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/12/interview-daniel-bell/> – Примеч. ред.

некую третью фазу. Пока в нашем сегодняшнем дискурсе мы фиксируем происходящее как переход к многополярному миру. И в роли глашатая этого нового мира та самая Россия, которая, по представлению Запада, проиграла холодную войну и, в изложении Василия Ванчугова, сегодня находится в состоянии полной деградации и интеллектуальной импотенции. Насколько эта роль для России естественна и имеем ли мы право выступать в роли провозвестников нового миропорядка, если наш нынешний интеллектуальный, моральный и экономический капитал столь скуден?

М.А. Маслин. Хотел бы сначала определить наше собрание. Хотя здесь присутствуют иностранные интеллектуалы, оно все-таки – интеллигентское. А русский интеллигент и западный интеллектуал существенно различаются. Один такой интеллигент в конце XIX века совершил путешествие на Сахалин. Звали его Антон Павлович Чехов. Он писал с пути: «Держимся за маленькую и грошовую Болгарию, не понимая, какие богатства у нас на востоке». Взгляд интеллигента, ставшего реалистом. В этом реализме я вижу главное достоинство. Нас объединяет идеал-реализм, пользуясь термином Николая Лосского. Сообщения востоковедов совершенно блестящие, они основаны на многолетних полевых наблюдениях за реальностью Азии. Но в то же время эти наблюдения создают некую идеал-реалистическую конструкцию, которая исключительно важна. Убежден, что если на наше собрание пригласить тех людей, которые в России ведают экономикой, они бы всё это выслушали, но остались при своих мнениях, потому что круг их представлений заранее очерчен. Поэтому я согласен с коллегой Кареловой в том, что пора уже выходить за рамки сложившейся реальности. Но как мы можем выйти за эти рамки, если все показатели, например, в области образования заточены под Болонскую систему. Все показатели ориентированы на критерии Scopus. Зачем всё это? Уже вся философская Германия стонет от этого засилия – даже философские журналы о Канте и Гегеле постепенно переходят на английский язык, что вызывает протесты немецкого философского

сообщества. Потому соотношение реальности и идеал-реализма – главное на нашей конференции.

Возвращаясь к замечательным докладом об опыте Китая, я хочу сказать, что востоковедение как универсальная дисциплина, как полидисциплинарная область знания заставляет нас глубже взглянуть на метафизические основания цивилизаций и понять, что основа модернизации – не консюмеризм, а национальная духовная традиция. Именно такая модернизация происходит в Китае. Во всяком случае, имеет место попытка опереться на традицию. Китаеведы очень хорошо показали, что называемое китайской мечтой не имеет четких контуров. Думаю, таков же путь модернизации и для России. В предисловии к сборнику «Вехи» – это такой русский философский бестселлер – Михаил Осипович Гершензон писал, что для русского интеллигента область мыслей и область дела (турецкий коллега заметил эту особенность русского интеллигента) коренным образом расходятся: область мыслей – это одно, а область дела – другое. Надеюсь, что все-таки область мыслей, которую блестяще продемонстрировала наша конференция, сблизится, так или иначе, с областью дела.

Л.В. Поляков. Спасибо, Михаил Александрович, за такой комплимент после разгромного выступления Василия Викторовича. Все-таки интеллигентская мягкотелость начинает обретать какую-то новую мускулатуру. Надеюсь, ни одно слово, сказанное здесь, не пропадет, войдя в очередной номер «Тетрадей по консерватизму».

Е.С. Холмогоров. Теперь уже не в качестве докладчика, который пытается пройти по минному полю, никого не обидев, а в качестве выступающего, который может себе позволить известное злоязычие. Сегодня мы наблюдаем подлинное пиршество российской интеллигентской традиции, которая состоит в том, чтобы найти еще какую-нибудь заграницу, где было бы лучше, чем в отечестве. Раньше мы такую заграницу откапывали где-нибудь на Гудзоне, на Темзе, в крайнем случае на Сене или на Шпрее. Теперь мы нашли такую заграницу на Хуанхэ и в Сингапуре. Такой по-

ток восторженных оценок, направленный на Китай, на китайскую модернизацию, на некое абсолютное чудо, по сравнению с которым у нас всё позорно и ужасно, – что мне хочется задать ехидный вопрос: объясните, почему мы имеем ситуацию, когда некоторую важную часть нашей страны отделили от нас, но мы ее себе вернули, а замечательный Китай некоторую часть страны, которую опять же у него увели, пока вернуть не смог? Значит, в русской системе есть какие-то свои положительные моменты, которые позволяют проводить подобного рода операции, причем делать это достаточно быстро и качественно.

Что же касается модернизаций Китая, Южной Кореи, Японии, их принципиальный философско-экономический смысл, на мой взгляд, довольно прост. Он выражен в гениальной книге Эрика Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными». Либо ты создаешь индустриальную производящую экономику с возрастающей отдачей (и тогда она делает тебя богаче), либо, как это было заложено нашими перестройщиками в 1990-х годах, уничтожаешь такую экономику, вписываешься в какой-то Вашингтонский консенсус и постепенно беднееешь, либо беднееешь очень быстро.

Но давайте все-таки не будем забывать о тех трудностях, которые стоят перед азиатскими странами, и о трудностях, которые стоят перед нами в связи с контактом с ними. Меня поразила прозвучавшая здесь формула об овладении Китаем временем. Я вспомнил начало романа «Троецарствие» Ло Гуаньжуна: «Великие силы Поднебесной после длительного разделения стремятся соединиться и после продолжительного соединения стремятся к разделению вновь». В истории Китая мы наблюдаем циклы соединения и стремительного роста, а затем – странные катастрофы и распад. Вышел ли Китай из этой череды циклов? Преждевременно смотреть на Китай как на нового экономического мессию. Давайте проявим выдержку и просто посмотрим, что будет дальше.

Если у Китая всё пойдет отлично, меня лично это, безусловно, только порадует. Но в каком направлении он будет двигаться? Обсуждая Россию, мы все время стремимся определить,

как и куда она движется. Но почему-то не задаемся вопросом, как и куда будут двигаться наши китайские друзья. Я вижу здесь как минимум две альтернативные стратегии, каждая из которых уже проявилась. Одну я для себя назвал стратегией Чжэн Хэ, другую – стратегией Чжан Цяня. То есть в первом случае это движение в Индийский океан по пути великого адмирала и создание там сферы китайского экономического преобладания, китайского цивилизационного лидерства. И в этом случае никакого, хотя бы в силу геополитической удаленности, внутреннего конфликта, скажем, с Россией не предвидится. Но что если Китай пойдет путем Чжан Цяня, который сейчас называется Великий шелковый путь? То есть в направлении, где в последние столетия имели место интенсивные усилия России. Мы можем сто тысяч раз быть друзьями. Но если Китай вложил в некий режим большие средства, а Россию по тем или иным причинам этот режим не устраивает, то Китай вполне естественно будет защищать свои инвестиции. И вот уже наше тесное соседство провоцирует не только союз, но и конфликтность.

Поэтому лучше не накручивать себя, умерить эмоциональный восторг по отношению друг к другу. У великого австрийского этолога Конрада Лоренца есть работа о серых гусях. У гусей этих есть такое явление – триумфальный крик, два гуся приветствуют друг друга, приветствуют всё более и более интенсивно. И вдруг на пике восторга они набрасываются друг на друга. Мы сегодня стараемся предстать какими-то мистиками и философами, стараемся доказать, что русская душа – специфически-мистическая. На мой взгляд, и русская цивилизация, и китайская цивилизация довольно-таки прагматичны. И чем более рационально мы будем подходить друг к другу, тем больше будет прока от нашего сотрудничества.

Я был в совершенном восторге от того, как сегодня нас корейский коллега одернул – дескать, что вы всё говорите о некоей абстрактной Азии... Действительно, мы придумываем себе эту Азию, потом начинаем придумывать какое-то в ней свое старинное членство на том основании, что когда-то давно нас завоевали монголы. Вот представьте себе, что приходит

Бангладеш к Соединенным Штатам и говорит: «Знаете, у нас с вами общая судьба, и мы, и вы были когда-то английской колонией». Это абсурдная постановка вопроса. И потому хочу вновь призвать к рациональности по отношению друг к другу.

Л.В. Поляков. Да, не станем уподобляться этим гусям, чтобы не превратиться в источник для фуа-гра, а будем хладнокровными циниками.

К.В. Асмолов. Несколько коротких ремарок. Конечно, Азия разная и Восток разный. Но, хочу заметить, что Запад тоже разный, в то время как и в глазах либералов, и в глазах антилибералов Запад один. Как часто, уважаемые коллеги, вы слышали не фразу «давайте сделаем, как на Западе», а «давайте сделаем, как в Канаде» или «как в Германии», или «как в Бельгии»? Как часто мы говорим не просто о модели, а о варианте, когда опыт каждой конкретной страны пытаемся приложить, проанализировать и сказать, что вот эти элементы нам пригодятся в формировании идеологии или в строительстве государства, а эти являются скорее негативным уроком? Особенно учитывая нынешние разговоры про отсутствие идеологии, про некий кризис, пора бы перейти на следующую ступеньку и начать думать над тем, какой именно должна быть идеология будущей России, какие элементы, творчески переработанные, должны в нее войти. Без этого мы будем погрязать в словоблудии и терять время.

Есть еще одна важная деталь, о которой сегодня уже говорили. Попытка создания неких единых структур вместо анализа конкретики ведет к опасным шорам. Я наблюдаю, как работают западные think-tanks, те, которые кажутся из России некими идеальными системами, разрабатывающими коварные сверхсложные планы, по сравнению с которыми протоколы сионских мудрецов или план Даллеса – детские упражнения. Так вот – ничего этого нет. *Миром правят не тайные ложи, а явная лажа.* И любопытно наблюдать, как их специалисты, находящиеся примерно в той же нише, что и люди, присутствующие здесь, рассказывают о сложных, многокомпонентных, коварных планах Путина, который строит длительную, очень сложную

стратегию по глобальному доминированию. И мне это слегка напоминает цитату из анимэ, где главный антагонист в решающий момент делает каменное лицо и говорит, что все это было just as planned. Естественно – чтобы скрыть реальное положение дел.

Поэтому давайте не будем приписывать чужим планы того уровня сложности и того уровня проработки, которые на самом деле при нынешнем качестве исполнителей, при нынешнем уровне организаторов, при нынешнем уровне сбора и анализа информации невыполнимы. Это поможет нам бороться не с мультяшной реальностью, а с реальными угрозами.

Арун Моханти. У меня тоже несколько ремарок. Здесь прозвучали прекрасные доклады о китайской модернизации. Из индийского опыта мы видим четыре фундаментальных условия успешной модернизации. Во-первых, должна быть стабильность, во-вторых, предсказуемость, в-третьих, должна быть эволюционность, в-четвертых, учет национальной традиции. Почему в Китае модернизация столь успешна, а в России она не произошла? Китай провел свою модернизацию в условиях стабильности. У них сохранилась однопартийная система, хорошо это или плохо – не будем сейчас обсуждать. Но эта партия обеспечила стабильность. Поэтому в коммунистический Китай пришли десятки миллиардов инвестиций. А когда Россия проводила свою модернизацию, там, в годы перестройки и после распада Советского Союза, не было стабильности. Инвестиции не приходят туда, где нет стабильности. Во-вторых, предсказуемость. Да, в Китае однопартийная система, но она создает предсказуемость. Инвестиции любят предсказуемость. Этого не было в России. Если вы помните историю перестройки, она начиналась с так называемого ускорения, то есть с экономической модернизации. Но там не было четкого плана, а потом Горбачев совсем забыл об этом ускорении. Затем началась политическая модернизация, которая сама по себе являлась нестабильностью. А после распада Советского Союза вообще наступил беспредел. Поэтому российская модернизация не могла быть проведена успешно. Да, Россия вроде бы стала

демократической страной, в отличие от Китая. Но эта демократия не обеспечила предсказуемости. Что будет после Ельцина? Каким будет переход власти в России? И поэтому инвестиции не пришли.

В-третьих, должна была эволюционность модернизации. Китай двигался шаг за шагом. Первая реформа у них была в сельском хозяйстве, потом пришла очередь индустрии. В России не было такой эволюционности – вы хотели из коммунистического рая сразу попасть в капиталистический рай. Не было и четкого плана модернизации.

Наконец, в-четвертых, не был учтен российский менталитет, который весьма специфичен. И внутри Европы, и внутри Азии менталитет отличается от страны к стране. У России тоже своеобразный менталитет. Поэтому российские реформы полностью провалились.

Если принимать что-то из индийского опыта, то, по моему мнению, следует прежде всего проанализировать роль государства. В России первые десять лет после распада Советского Союза философия была: чем дальше государство уходит из сферы экономики, тем лучше. Таким образом были созданы дополнительные условия для провала реформ.

Сейчас много разговоров насчет поворота России на Восток. По-моему, при Иване III или Иване Грозном было заявлено, что российский орел должен смотреть на запад и на восток. И так вроде бы и надо. Но если проанализировать российскую внешнюю политику, то можно увидеть, что Россия обычно смотрит на Запад за счет Востока. Думаю, что поэтому быстрая переориентация просто невозможна. Но очевидно, что интересы России имеются и на Востоке, и на Западе. В 1990-х годах говорили: мы – часть западной цивилизации и всё делаем для улучшения отношений с Западом, даже если это за счет Востока. Но сейчас пришли санкции, поэтому возникло желание Запад игнорировать и улучшать отношения с Востоком. По-моему, такой подход не рационален. Понимаю, у России есть большие интересы на Востоке, но при этом нужны технологии, оборудование с Запада. Восток, возможно, в такой мере не может обеспечить Россию технологиями, оборудованием. Но тем не менее есть три стра-

ны – Япония, Китай, Индия, – которые могут в какой-то степени быть источником оборудования и технологий. Но данное обстоятельство игнорировалось на протяжении последних 15–20 лет. Поэтому необходим серьезный анализ азиатских рынков, необходимо понимание того, какую выгоду Россия может от них получать. И, кроме того, на Востоке есть рынок для российского машиностроения. Азия – это рынок для российской тяжелой промышленности, от которой еще что-то осталось – космос, машиностроение. Соответственно, поворот на Восток должен быть эволюционным и прагматическим.

Следующий мой тезис – о Дальнем Востоке. Это огромный регион. Михаил Александрович Маслин сказал, что он впервые во Владивостоке. Это я к тому, что московские капиталисты, может быть, сюда и не придут. Но сюда придут деньги из Японии, из Китая. Мы в Индии тоже проводим информационную работу, с тем чтобы наши предприниматели шли сюда. Успех пока невелик, но все же несколько индийских фирм уже работают, создали рабочие места, причем это не торговые, а промышленные предприятия. Здесь же огромная территория. Может быть, тут можно будет проводить модернизацию сельского хозяйства. Например, очень многое в модернизации сельского хозяйства Канады сделано индийцами. Мы говорим: российское правительство «за», поэтому давайте, приезжайте развивать сельское хозяйство на Дальнем Востоке. Но наши предприниматели говорят: Дальний Восток – это так далеко, там холод, там зима страшная. Но я говорю: ведь Канада еще дальше, и зима там суровее. В общем, имеет место информационная проблема, люди не знают, где Дальний Восток, какие там условия. В этом плане надо что-то делать, чтобы этот обширный регион стал интересен для восточных предпринимателей. Сейчас здесь, на Дальнем Востоке, создано Министерство развития. Думаю, это – одна из его задач.

Советское государство – плохое он было или хорошее, – но у него была эта самая мягкая сила. Тогдашняя идеология и была мягкой силой для азиатских стран. А сейчас никакой политики в этом направлении Россия не прово-

дит. Бандиты, зима, водка – вот такие представления о России у многих. А ведь ваша страна за последние десять лет изменилась, условия для бизнеса существенно улучшились. Но об этом нет никакой информации. И поэтому, как мне кажется, Путин на встрече с российскими послами в 2012 году сделал акцент на укреплении политики мягкой силы.

Л.В. Поляков. Спасибо за ваш доклад. Обобщая итоги и опыт китайской и индийской модернизаций, вы показали, что все четыре условия, которые были у китайцев и индийцев, отсутствовали в российском случае. Что же касается проблемы мягкой силы... Коллеги, конечно, никакая мягкая сила, soft power, просто так не изобретается. Но, например, наш форум «Бердяевские чтения», так или иначе, работает в том направлении, чтобы soft power у России возникла. Консервативный поворот, обращение к традиционным ценностям вселяют в наших азиатских партнеров и друзей надежду и оптимизм.

Мы предполагаем, что консерватизм как широкое интеллектуальное и мировоззренческое течение заключается в том, чтобы уважать уникальность, неповторимость и культурную суверенность каждой цивилизации. Если этот меседж будет понят и принят в Азии, то, может быть, это восполнит тот дефицит мягкой силы, который образовался после крушения Советского Союза и отказа от идеологического господства под знаменем коммунизма.

Тадаси Анно. В минувшем году я посетил Читинскую область (ныне – Забайкальский край). Маленький город Забайкальск находится на границе с Северным Китаем. За этой границей лежит китайский город Маньчжурия. Десять лет назад население Забайкальска было 10 тысяч, население города Маньчжурия – тоже 10 тысяч. Сейчас в Забайкальске семь тысяч, в Маньчжурии – 400 тысяч. Город Маньчжурия является одним из самых успешных, развитых провинциальных городов Китая. Почему они успели так быстро развиться? Всё благодаря богатствам из России – импорту леса и розничной торговле. Город Маньчжурия – это один большой молл, где российские покупатели хорошо платят за китайские товары.

Налицо четкая, комплексная стратегия развития. Китайцы создали специальную экономическую зону на территории города, создали новый промышленный комплекс для лесопереработки, построили торговые комплексы. На российской стороне РЖД построило небольшой новый терминал для облегчения транзита товаров.

Разительные различия двух городов обусловлены различиями качества стратегии развития. И не только самих городов, но и стран. На нашем форуме ключевое слово – умеренный консерватизм. В прежние годы, особенно в 1990-х, ваши либеральные политики не могли решить эту проблему, они даже не задумывались о значимости этих различий. И я очень надеюсь на способность умеренного консерватизма найти какой-то эффективный ответ.

Конечно, опыт азиатских стран будет полезен, особенно для вас, то есть для умеренных консерваторов, другими словами – для прагматического, разумного консерватизма. Просто открыть территорию Дальнего Востока и обеспечить эффективный транзитный коридор между Европой и Азией, просто установить либеральный режим, как мне кажется, не годится. Это вряд ли для национальных интересов России. Надо создать какую-то эффективную платформу для генерации добавленной стоимости внутри России.

Очень надеюсь, что умеренные консерваторы смогут повысить качество стратегии развития. И мы, на азиатской стороне, к этому готовы, потому что это обеспечит главное – совместное развитие. Мы очень надеемся, что Россия будет в Азии. Почему? Потому что Россия имеет некоторые факторы, некоторые элементы для решения азиатских проблем. Это не только Сирия, это не только нефть и газ. Это новые ценности, это качественное образование, это другие экономические элементы. Всё у вас есть, чего в Азии не хватает.

Л.В. Поляков. Большое спасибо за веру в Россию, которой у нас самих иногда не хватает. Мы чувствуем вашу дружескую поддержку. Тем более что этот консерватизм – не тактический поворот, а то, что выстрадано. После метания между крайностями коммунизма и либерализма мы вышли на некий средний путь,

который можно обозначить словом «консерватизм», разумный консерватизм. Наш президент в одной из бесед с китайским коллегой назвал себя прагматиком с консервативным уклоном. Именно на этом основании можно разрабатывать прагматичные концепции, учитывающие взаимный интерес, учитывающие, я адресуюсь к коллеге из Индии, специфику менталитета.

А.В. Виноградов. Прозвучал вопрос – почему Россия вернула себе Крым, а Китай не вернул Тайвань? А зачем? И какова цена? В 1943 году, во время антияпонской войны, Чуйков разговаривал с Чан Кайши и спросил его: «Почему вы ведете такие пассивные действия с японцами?». И Чан ему ответил: «А зачем? Это болезнь, нужно переболеть». В 1974 году, после революции в Португалии, вопрос о возвращении Макао Китаю на принципиальном уровне решен. Это была инициатива португальской стороны. Тогда еще была «культурная революция», и с точки зрения идеологических дивидендов, ускорение возвращения было бы колоссальным плюсом. Потом ситуация повторилась с Гонконгом. Вернуть можно. Но что вернуть? Просто территорию? А в ситуации с Гонконгом речь шла о возвращении крупнейшего финансово-экономического центра. Когда я говорил об овладении временем, то имел в виду именно это. Может быть, формулировка не очень хорошая. Овладение – это эффективное использование времени относительно цели. Конечно, все аналогии ущербны. Можно сегодня и дорого, а можно завтра и дешевле. Когда есть почти пять тысяч лет цивилизации, в общем, это измерение может быть различным. Теперь относительно критериев развития. Развитие можно измерять не только в экономической и военно-политической мощи. Можно измерять и в таких категориях, как поэзия, живопись, философия. Достижение гармонии тоже может быть величайшей целью. А развитие, такое развитие, какое мы видим в западном мире, где существует выбор, это всегда разрушение. Отказываясь от чего-то, мы уже не можем достичь гармонии. Но гармония – вполне достойное состояние. То есть имеется выбор между стремлением к счастью и стремлением гармонии. И последнее, относительно перспектив Китая. Десять лет назад, когда я и мои коллеги высту-

пали в невостоковедных аудиториях, основная масса слушателей – 99% – говорила: «Ну да, у Китая есть успехи, а что будет после?». Когда же в сходной ситуации обсуждался Европейский Союз, абсолютно все говорили: «Из этого кризиса Евросоюз выйдет окрепшим». Очевидно, что тогда были двойные стандарты, от которых в последнее время наше общественное мнение, кажется, избавилось. И поэтому, когда мы говорим о перспективах Китая, давайте, будем признавать то, что хорошо. И точно так же признавать то, что плохо. Профессионалы, эксперты знают, сколько у Китая проблем, но пока в целом – хорошо.

В.В. Сумский. В течение всей нашей конференции я ждал, когда мы выйдем на проблему силы и бессилия России. И вот, наконец, на одном из заключительных заседаний мы на нее вышли, и это было неизбежно. Мы, в духе вековой российской традиции, услышали, что у нас ничего нет. У нас нет государства, у нас нет внешней политики, у нас нет спинного хребта, у нас нет ни интеллектуального, ни производственного потенциала. Но все-таки что у нас есть? Хотелось бы ответить на этот вопрос, хотя бы коротко. Насчет государства. Я бы сказал простую вещь: сам факт существования России в тех параметрах и в тех границах, в которых мы ее видим, является неопровержимым доказательством ее силы. И дело даже не только в том, что сообщаются бассейны сибирских рек. Дело в том, что мы иногда не отдаем себе отчета в том, какой колоссальный интеллектуальный и административный ресурс требуется для того, чтобы держать всё это вместе. Мы недавно перевели и опубликовали двухтомные мемуары Махатхира Мохамеда, бывшего премьер-министра Малайзии. Там есть такая любопытная часть, где он пишет, что крайне неудобно, просто невозможно было управлять Малайзией в условиях, когда там было два часовых пояса. Причем, различие было даже не в час, а в полчаса. И ему пришлось ввести декретное время. Одной строкой он пишет: «В голове не укладывается, как Россия управляется в условиях девяти часовых поясов». Это – по поводу государства и по поводу того, сильна или не сильна Россия.

Мне кажется, что Россия была сильна даже в 1990-х годах, тогда как мы вообще ждали, когда она окажется в руинах.

Что касается внешней политики и умения занять или не занять позицию. Просто составлю такой смысловой ряд. Грузия 2008 год, срыв «цветной» революции в 2011–2012 году в России, позиция по Сирии, позиция по Сноудену, наконец, Крым и Украина. Все эти вопросы надо было решать быстро, некоторые из них было невозможно решить без каких-то наработок, сценарных заготовок. Для меня это – признак силы. Как является признаком силы и то, что мы знали: и за Грузию, и за Крым, и за Сноудена, и за всё остальное, перечисленное, платить придется. И вот эта готовность заплатить цену для меня тоже является признаком силы. Насчет того, что ничего не производим и ничего не делаем. Сетования на то, что сидим на нефтяной игле, хочется дополнить констатацией: в нашей экспортной выручке углеводороды дают 20%. Просто для интереса, как говорят, для смеха, попробуйте составить список того, откуда приходят остальные экспортные доходы. Насчет интеллектуального продукта. Знаете, никогда в России не было таких книжных магазинов, и не было при их посещении иллюзии того, что уже не осталось на свете такого предмета, по которому не написана солидная книга. Думаю, и это не есть показатель интеллектуальной бедности.

Наконец, последнее. К вопросу о том, что мы имеем, чего, может быть, не имеют другие, включая даже такую великую страну, как Китай. В 2007 году я был в Пекине во время XVII съезда КПК. Это был момент, когда Китай запустил спутник к Луне. Я через пару дней, когда его запустили, ждал, что будет сообщение, что он облетел Луну. Но нет, на главной торговой улице Пекина был установлен огромный экран, и там была показана траектория меняющейся геоцентрической орбиты этого спутника. Он всё удалялся и удалялся от Земли, чтобы выйти в такую точку, от которой он, наконец, сможет оторваться и полететь к Луне. У нас же эти технологии и эти разгонные блоки были уже в конце 1950-х годов. Вы ведь помните, как советские спутники облетали Луну, фотографировали ее обратную сторону?

Будем все-таки реалистами – мы гораздо сильнее того, как мы иногда самих себя представляем.

Д.В. Мосяков. Сначала краткое замечание по поводу выступления Василия Викторовича Ванчугова, очень интересного с моей точки зрения. Он затронул очень существенную проблему, когда говорил об аморфности государственных, политических, интеллектуальных структур.

Возникает ощущение, что это связано не столько с какими-то социокультурными вещами, сколько с тем, что сама власть обладает очень узкими возможностями для социального, экономического и иного конструирования. Если начинать какое-то социальное конструирование и менять содержание существующего режима в сторону, может быть, его относительного ужесточения – тут же возникает аллюзия, что мы идем в направлении, давно осужденном, масса людей этого боится, масса людей выступает против этого. То есть нет свободы в социальном конструировании, в конструировании власти. Власть ограничена страхами о несуществующих угрозах.

То же можно сказать и об экономическом конструировании. Любая попытка вернуться к какому-то варианту планирования, которое используется в массе азиатских стран, – тут же вызывает аллюзии, что это возвращение чуть ли не к плановой экономике, то есть возвращение к старому, от чего мы с таким трудом ушли. И всё это связано в первую очередь с тем, что мы не сумели, как это ни парадоксально, несмотря на огромные усилия, решить вопросы по нашей истории. Мне нравится, как в Китае эти вопросы решили, например, о Мао Цзэдуне: 30% ошибок, но 70% полезной и действительно способствующей росту и развитию Китая деятельности. И это дает возможность власти быть свободной, в любой момент из прошедшего опыта доставать элементы.

По поводу мягкой силы – то же самое. Как мы можем конструировать и вообще формировать какую-то мягкую силу, если реально все рычаги информационного контроля находятся вне нас? Недавно был интересный опрос, какие страны симпатизирует или не симпатизируют России.

Выяснилось, что на первом месте Вьетнам, где почти 80% опрошенных ответили позитивно. Так вот, очень много лет Вьетнам был плохой. Он плохо развивался. И там были большие проблемы с правами человека. Но как только Соединенные Штаты поменяли свою политику в отношении Вьетнама, тон в отношении Вьетнама изменился мгновенно. Из wrong country, где все плохо, он превратился в страну, где все хорошо, которая развивается нормальными темпами.

Меня это поразило с точки зрения масштабов происходящего. Не какая-то одна газета или, например, CNN стали говорить хорошо про Вьетнам. Нет – это распространилось сразу в очень широком спектре, казалось бы, независимых средств массовой информации. Как будто зажегся какой-то огонек, и все начали писать про Вьетнам хорошо.

В такой ситуации нам трудно рассчитывать на перемену имиджа – это огромная, тяжелейшая работа. Не говорю, что не надо эту работу вести. Но мы находимся в рамках неких обстоятельств, на которые повлиять, по большому счету, не можем. Мы должны просто понимать это, потому что сила и энергия возникают в условиях свободы. Когда вы получаете определенную свободу в социальном конструировании, тогда у вас появляются и сила, и энергия, и свобода. А когда вы все время связаны, все время выстраиваете какую-то прагматичную политику, выясняется, что вы несвободны.

Л.В. Поляков. Трезвая самооценка наших возможностей при всей оправданной критике в адрес собственной власти есть вполне консервативный подход. Консерватор – отнюдь не апологет. Его задача – критически взглянуть на реальность, потому что без этого невозможно развитие.

Конечно же, позиционирование вовне, через медиа-сферу, весьма продуктивно. Коллега из Малайзии, господин Али, уже касался этой темы, упомянув о соревновании Толстого и Абрамовича: Толстой проигрывает потому, что Абрамович на первом плане. Точно так же и в отношении Вьетнама. Вчера Вьетнам был непонятно кто, а сегодня это почти лучший друг. Причем это делается синхронно. Все, навер-

ное, помнят момент, когда произошла трагедия с малазийским лайнером. От имени наших участников приношу искренние соболезнования малазийскому коллеге. Мы прекрасно помним – еще не успел остыть пепел сбитого самолета, как во всех западных газетах появились заголовки «Путин – убийца». Действительно, имеется мощнейший механизм, машина пропаганды, которая под рубрикой свободы прессы последовательно и агрессивно продвигает необходимые позиции. И здесь отнюдь не мягкая сила, а сила, я сказал бы, сильнее любой жесткости. Не танками, не пушками, а ударом по мозгам обеспечивается господство.

Я регулярно смотрю “Russia Today”, телеканал, который работает во враждебной среде. Когда он начал вещание, у меня был скепсис, я думал так: «“Russia Today”, ну давайте про Россию как можно больше». А там, наоборот, подбирают сюжеты, актуальные для конкретной страны. Скажем, американская редакция там работает на актуальной американской проблематике. Например, в замечательную рубрику “Cross Talk”, которую ведет Питер Лавелль, приглашают «альтернативных» американских интеллектуалов для обсуждения ключевых проблем. И это работает, это делается виртуозно. Не в стиле советской пропаганды, когда наши монстры типа Зорина сидели и рассказывали нам, как загнивает западный мир, а мы должны были этому верить. Нет – американские, британские и другие эксперты рассуждают на острые современные темы, но в антипропагандистском ключе.

Думаю, есть надежда и у нас, что внешнее позиционирование все-таки будет меняться в позитивном направлении, в том числе и в странах Востока. Повторяю, я говорю, как дилетант.

Я не востоковед, не могу читать ни китайских, ни индийских (кроме англоязычных) газет.

Не могу читать японских, вьетнамских, малазийских газет. Может быть, Игорь Евгеньевич Денисов из Института международных исследований МГИМО расскажет нам о том, как отражается Россия в прессе восточноазиатских государств.

И.Е. Денисов. Согласен, вопрос об образе России весьма актуален. Мы здесь много говорили

о том, в какую Азию возвращается Россия. Но не менее важно говорить о том, какая Россия возвращается в Азию, поворачивается к Азии. Для того чтобы произвести естественный выбор главного вектора нашей внешней политики, мы должны уходить от двух крайностей: от фобий в отношении Азии и от высокомерия в отношении Азии.

Хотел бы поблагодарить Егора Станиславовича Холмогорова за то, что дал нам два примера, соединив в своем выступлении вроде бы несоединимое – по-видимому, напитавшись восточной философией. По поводу его сравнения Тайваня и Крыма – полностью согласен с Андреем Владимировичем Виноградовым. Крым – прекрасный пример для того, чтобы показать силу России, но Тайвань – это не самый удачный пример для того, чтобы показать слабость Китая.

Китай в тайваньском вопросе как раз проявляет государственную мудрость и силу. Посмотрите на состояние экономических отношений до того, как началось сближение, и сейчас. Тайвань экономически полностью зависит от материкового Китая, великолепно развиваются гуманитарные обмены. Почему же Китай не воссоединяет Тайвань, могу ответить просто: не хочет, не время для этого. Тайваньские инвестиции на материк составляют 61 миллиард долларов. Зачем же в такой ситуации сравнивать Тайвань с Крымом?

Теперь по поводу фобий, то есть о Центральной Азии. Егор Станиславович предлагает нам заняться холодным анализом. Но Китай предлагает не что-то абстрактное, а железные дороги, автомобильные дороги, электростанции, объекты социальной инфраструктуры. Если мы можем делать нечто подобное, давайте делать – вместе с Китаем или отдельно от него. Мы можем еще предложить услуги в сфере безопасности, это наша традиционно сильная сторона в регионе, в то время как она же является наиболее слабой стороной китайской стратегии Экономического пояса Шелкового пути.

Высокомерие иногда проявляется и в нашей практической деятельности. Вы все видели парад на Красной площади 9 мая и кадры прохождения китайского почетного караула, это подавалось как большое достижение. Действи-

тельно, появление военнослужащих НОАК на Красной площади – показатель доверия. Но, наверное, мало кто знает, что в 2010 году китайцы сами предлагали свое участие. На том параде, напомним, по Красной площади прошли военнослужащие США, Великобритании, Польши и Франции, а участника антигитлеровской коалиции Китая почему-то не оказалось. Я разговаривал тогда с китайским высокопоставленным дипломатом: «Вы обиделись такому решению?». Он отвечает: «Да, конечно, обиделись – мы же три раза просили». Не думаю, что здесь был некий умысел с российской стороны. Но дисциплина, последовательность в работе бюрократического аппарата в такой сфере все-таки должны быть.

Знаю случай, когда некий губернатор опоздал на встречу с первым лицом одного из крупных азиатских государств. Гость спросил: «А почему мы ждем? Кого ждем?» Ему сказали, что губернатор опаздывает. Он: «Кто такой губернатор?» – «Это руководитель провинции, так же как и у вас». Он тогда взял и ушел.

Если мы будем с высоких трибун говорить, что возвращаемся в Азию, а наша практическая деятельность будет по-прежнему окрашена высокомерием и конъюнктурой – это будет неуспешный поворот. Никто не в состоянии оторвать Россию от Азии так, как мы сами это можем сделать. С другой стороны, никто так не может приблизить Россию к ней, как опять же мы сами. То есть дело в нашей уверенности, в нашей самоидентификации, освобождении от имперских комплексов. Можно по-разному относиться к тому, что мы сейчас стремимся всё заимствовать у Китая, но вот еще пример полезного опыта. Китайцы ко всем партнерам относятся как к равным (несмотря на все то, что было совершенно справедливо сказано по поводу системы дани). Это касается и государственного протокола, и освещения визитов в СМИ. Если вы посмотрите «Жэньминь жибао», то, например, о визите Обамы и о визите руководителя Гамбии будет абсолютно равное количество газетной площади, абсолютно равное количество фотографий. Этим они демонстрируют свое стремление подключить всех к своему локомотиву. И в этом один из секретов китайского успеха, а вовсе не в экспансии. По-

чему настолько успешен проект Азиатского банка инфраструктурных инвестиций? Потому что они готовы работать со всеми. Кстати, на парад 3 сентября, несмотря всю сложность отношений с Японией, они японской стороне тоже направляли приглашение. Это, я думаю, то, чему мы можем учиться, если хотим, чтобы наш поворот в Азию действительно увенчался успехами, принес пользу для нашего собственного развития.

Л.В. Поляков. Наш японский коллега хотел добавить пару слов. Прежде чем он это сделает, хочу привести некоторые цифры из исследования “Pew Research Center”. Здесь присутствуют коллеги из Турции, Японии, Республики Кореи, Китая, Индии, Малайзии и Сингапура. Итак, в Турции положительно относятся к России 15%, отрицательно – 64%. В Японии картина близкая к этому – 73% японцев относятся отрицательно к России и только 21% положительно. В Малайзии – 54% отрицательно, 30% положительно. Самые позитивные результаты – в Китае и Индии. Китай – отрицательный имидж России у 37% китайцев, положительный – у 51%. В Индии – 17% отрицательный имидж, 43% положительный. Коллега Мосяков упомянул Вьетнам, который действительно абсолютный лидер: только 10% вьетнамцев относятся к России негативно, зато 75% позитивно.

Тадаси Анно. Вчера и сегодня мы выслушали значительную критику в отношении европоцентризма – в стремлении создать многополярный мир и евразийскую альтернативу. Думаю, наш взгляд в течение двух последних столетия был искажен именно из-за европоцентрической позиции.

С учетом нынешней ситуации в отношениях России и Запада такие антизападные чувства вполне понятны. Несмотря на то, что я японец, я симпатизирую именно российской точке зрения. И наблюдаю за тем, как за последние двадцать пять лет западные СМИ и западные лидеры занимали враждебную позицию по отношению к России и ее руководству. Очевидно, полагая, что они обладают естественным правом диктовать другим свою волю и навязывать свое мнение по поводу

их государственного устройства и политики.

Я слышал много критических замечаний по поводу европоцентристского международного порядка. Но я также озабочен тем, куда приведет нас наше собственное стремление создать новый миропорядок. Похоже, на сегодняшний день преобладание Запада более сильно, более явственно, чем представление о том, какие перспективы нас ожидают и какие пути нам следует избрать. Очень сложно заниматься вопросами построения нового мирового порядка.

Наши китайские и индийские друзья во многом разделяют эту точку зрения. Однополярность – источник деспотизма, и надо этому всячески противиться. Однако Томас Гоббс напоминал нам много-много лет назад: плохой порядок может быть лучше, чем полная анархия. Конечно, многополярный мир, который будет более спокойным, лучше, чем однополярный. Но нам нужно убедиться, что порядок будет поддерживаться. Мир заинтересован в стабильности и порядке. И хотя есть основания критиковать международный деспотизм, путь создания многополярного мира непрост.

Как консерватор и патриот-японец я понимаю эту критику, но мы должны помнить, что процветание международной экономики сегодня во многом зависит от наших общих взглядов, которые относятся к нашим глобальным первоочередным задачам. Это прежде всего безопасность и надежность путей сообщения на суше и на море. А это, в свою очередь, зависит от поддержки общих ценностей и системы сложившихся границ. Но надо признать, что Запад сыграл важную роль в создании системы с предсказуемыми правилами и именно этим объясняется его доминирование в международных отношениях.

Л.В. Поляков. Ваша позиция – блестящий пример критической рефлексии консерватора, который рассматривает любое предложение с точки зрения его реальной осуществимости. Мало критиковать гегемонизм, нужно представить логические основания нового миропорядка. Вы вспомнили Томаса Гоббса, который говорил, что любой порядок лучше беспорядка, потому что если нет порядка, нет государства, то мы существуем в ситуации – то, что он называл по-английски “state of nature”, “bellum omnium

contra omnes” – война всех против всех. Но, Анно-сан, можем ли мы сказать, что не видим парадокса, когда американский гегемонизм, основанный на вере в американскую исключительность, предлагает для мира авторитарный порядок (юниполярный мир), при этом культивируя и пропагандируя идею демократии для всех? Нет ли в этом удивительного обмана, или самообмана, американцев, который мы должны видеть и должны разоблачать? Это было последнее выступление перед последней фазой нашего форума. Передаю бразды правления Борису Вадимовичу Межуеву.

Б.В. Межуев. Мы хотим представить сегодня четвертый и пятый выпуски информационного бюллетеня Форума «Бердяевские чтения» «Самопознание». Первый был посвящен Крыму и сакральной географии, второй – творчеству Ивана Ильина, третий – Константина Леонтьева. И вот два номера, посвященные Востоку. Один из них посвящен Востоку в целом, проблеме отношений России и Востока, миссии России на Востоке, в частности христианской миссии на Востоке. Второй номер более определенно посвящен так называемым восточникам. В принципе, об этом номере надо было говорить здесь на самом первом заседании. Мы пытаемся доказать, что такое явление, как восточничество, существовало, более того, традиция восточничества была довольно серьезной и значительной в русской мысли, русской философии и русской политике. Один из ключевых вопросов заключается в том, почему эта линия всякий раз не срабатывала. Она развивалась, порождала много надежд, в том числе близких тем, о которых сегодня шла речь, но всякий раз завершалась неудачей. Иногда это можно объяснить военным поражением, как поражение при Цусиме в Русско-японской войне; иногда это нельзя объяснить поражением – 1930-е годы, Россия опять отворачивается от Востока, начинает интересоваться в основном западным направлением после победоносных действий – если вспомнить пограничные конфликты на Халхин-Голе. Слово «восточник» имеет американское происхождение. В России оно не было модным. Я нашел только одно употребление этого

термина в «Русской мысли», принадлежащее человеку, о котором пойдет речь в следующем выступлении. Это Сергей Николаевич Сыромятников, путешественник, разведчик, журналист. В одной из своих статей он писал: «Честные искания правды лучше и полезнее для общества, чем стоять горюю за то, во что потеряли веру. Ведь я был западником не из корысти, а потом стал “восточником” не из-за денег или каких-нибудь милостей». Это, пожалуй, единственное в конце XIX века употребление слова «восточник» (и оно было в кавычках) в качестве обозначения идеологической позиции, в качестве обозначения определенной точки зрения, противостоящей западничеству. Впоследствии восточников называли восточниками американские исследователи, когда стали изучать причины возникновения союза России и Китая. В 1940–1950-х годах, когда СССР вступил в союз с Китаем, американцы особенно интенсивно изучали период первого русско-китайского союза в 1896 году. Появилось довольно много исследований, часто это были исследования эмигрантов. Один из эмигрантов русского происхождения, Андрей Малоземов, написал работу, посвященную идеологическим истокам Русско-японской войны, и ввел термин «восточники». То есть люди, которые мечтали о том, что России будет дарована миссия объединить весь Восток, объединить всю Азию, найти новую русскую идею на Востоке. В России так бывает, когда забывают надежды предшествующих эпох. И когда Цусимская катастрофа похоронила эту мечту, произошло и забвение всей той эпохи. Я читал много работ, где говорилось, что до евразийцев русские никогда не думали, что они азиатская нация. В пятом номере «Самопознания» небольшой мой текст посвящен одному из таких людей – увлекающемуся молодому человеку – увлекающемуся не только в романтическом, но и в политическом смысле, – Александру Блоку. На мой взгляд, вся его ранняя мистика, помимо влияния Владимира Соловьева, помимо влияния русских романтиков, это и надежды восточной политики. Его довольно известное произведение «Король на площади» – драма, посвященная революции 1905 года, – связано с тем, что революция происходит в тот момент,

когда в город приходят слухи о том, что корабли, которые отплыли в неизведанные страны, не вернутся обратно.

Все, кто знает русскую поэзию, наверное, помнят известное стихотворение Александра Блока «Девушка пела в церковном хоре о всех усталых в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море, о всех забывших радость свою». Роман Яacobсон в свое время очень точно указал на то, что в этом стихотворении отражена трагедия Цусимской катастрофы. И во многих других произведениях Блока этого времени мы чувствуем ту тему не вернувшихся кораблей. И самое главное – это трагическое известие рушит весь государственный строй.

Если мы посмотрим газеты 1905 года, то увидим, что главной причиной взрыва было даже не 9 января, после которого ситуация в столице стабилизировалась. Главное – Цусимская катастрофа. Когда в мае 1905 года пришло известие о гибели 2-й тихоокеанской эскадры, это событие резко усилило демонстрации и поставило русское государство на грань катастрофы.

Это довольно сильная иллюстрация к тому, насколько надежды на Восток были значимы для легитимности власти. Надежды на то, что Россия обретет какое-то восточное для себя пространство – как писал другой поэт, Валерий Брюсов, «жребий Дальнего Востока». Возможно, эта романтическая мечта, в какой-то степени обеспечивала легитимность государственного строя. Эти мистические, романтические искания разделяли очень многие люди в конце XIX – начале XX века.

Потом это передалось евразийцам. В том же номере статья Василия Ванчугова, посвященная евразийцу, который жил в Харбине, – Всеволоду Никаноровичу Иванову. Там также речь о современных рецепциях евразийской идеи.

То есть вся восточническая линия русской мысли, русской культуры, русской философии нами прослежена так, что человек, взяв этот номер, сможет составить представление о том, чем была восточническая традиция в русской философии и в историографии. К сожалению, историография в значительной степени не российская.

В заключение хочу упомянуть человека, которого мне довелось знать лично, – он выступал

в Московском университете, читал лекцию.

Он умер в марте 2015 года, в очень преклонном возрасте. Это, наверное, последний патриарх русской идеи. Его знаменитая книга «Россия и мессианизм Востока» открыла целое направление в русской культуре, посвященное восточной мечте. Это – Мануэль Саркисянц, возможно, известный востоковедам, потому что довольно много писал о буддистских корнях социализма, о корнях народно-социалистических учений. В частности, большое внимание он уделил происхождению камбоджийского и бирманского социализма. Но первая его книга была посвящена именно русской идее, русской мечте.

Он не смог ее опубликовать в Америке.

Она была настолько пророссийской, что в 1952 году, в период маккартизма, это было невозможно. Саркисянц издал ее только в 1955 году в Германии. Впоследствии ему даже пришлось уехать из Америки, именно в силу того, что этот человек, будучи армянином по происхождению, родившимся в Баку и жившим в основном в Персии, сохранил такую веру в русскую мечту, в русскую идею и русскую культуру.

В этом номере мы публикуем интервью с его душеприказчиком Штефаном Гэем, тоже профессором Гейдельбергского университета. Там рассказ о последних днях этого человека, последних его словах. Саркисянц окончил свои дни в Мексике. Сохранилась огромная библиотека, тридцать тысяч томов. Судя по всему, их печальная судьба ожидает, потому что непонятно, что, собственно говоря, в Мексике этой библиотеке делать. Прямых наследников у него не осталось. Хотелось бы, чтобы библиотекой заинтересовался кто-то, кому она действительно нужна.

Хочу передать слово Борису Дмитриевичу Сыромятникову для презентации, посвященной человеку, о котором я упомянул вначале, человеку, который, наверное, является крестным отцом восточничества – не как изучения Востока, а как самовосприятия России. Этот человек внес огромный вклад в продвижение России в том регионе, в котором мы сейчас находимся, и стоявший у истоков первого российско-китайского союза.